

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА...

Танец смерти

Это был последний концерт перед закрытием театра О'Хейс. Каким-то образом нам показали эту программу «Шагивая Кировского». По моему подсчетам здесь четверо мужчин перескочили сцену в тот вечер, поэтому у меня есть все основания считать, что спектакль был дан в честь ленинградских дам, а точнее, в честь ленинградского кордебалета. Красивая «ленинградская» руки-слово, ставшая почти термином, мягкие лица, почти воздушный гримж — все это мы увидели в «Шопениана» и «Баядерка». Несомненно думая: какая должна быть дисциплина в труппе, чтобы добиться такой слаженности. В каждом отделении было что танцевать женщинам. Лишь в «Баядерке» возник мужчина — Эдгар Аллех, чтобы продемонстрировать нам прыжок со скакалкой, надевание поддевки, вояка по полю. Все это мы ассоциируем с русской манерой мужского танца. О талантливых женщинах скажу само: Жанна Алопова и в «Шопениана», и в «Баядерка» показала себя уже недоимкиным мастером, прекрасно справляющаяся с трудностями дуэтного танца. Ирина Чистякова показала нам чудеса устойчивости и вращения: в «Баядерке» она так устойчиво стояла в арабеске, что публика ахнула. В «Палите» Юлия Махалина без всякого напряжения продемонстрировала шаг и обаяние, а Татьяна Терехова навсегда запомнится как мастер фуау.

Таргет Старк, «Вечер Кировского балета — прославление женского танца». ПОЛА ЦИРОН

Алла Арсимурадова — драматическая танцовщица в Кировском балете. Она блестяще исполняет Жизель, и мы увидели, сколько индивидуальности в труппе, так как Жизель Арсимурадовой очень отличалась от Жизели Алоповой, танцовщицы, практически неизвестной в Америке. Арсимурадова, ей 28 лет, знакома нам уже по гастролу в Нью-Йорке в прошлом году. Критики же «отрицали» ее для себя еще в 1982 году в Париже. Эта популярность создала и дополнительные трудности: от большинства танцовщиц многого и ждешь. Я не хочу сказать, что слава Арсимурадовой только в танце, которая требует совершенствования, но и в уме, обаянии и поразительной красоте. Ее партнером стал на этот раз К. Заклинский, танцовщик благодарной манеры, вполне в стиле Кировского театра. Рост, повадки, элегантно жест — все выдает у нем знаменитого ленинградского мастера. Наиболее ему удалось 2-й акт, где страсти были затены, а сила выразительности — убедительна. Арсимурадова и Заклинский наполнили наивный рассказ жизненными соками и чувствовалось, что они хотят вырваться за рамки традиции в более широкий романтический мир. Это-то и составляло самое притягательное в их исполнении. Блестяще проводит Арсимурадова сцену безумия: меняется ее взгляд, меняется ее существо — выступает великий момент трагедии. Танцовщица сумела сочетать в танце традиционное и субъективное, личное, только ей присущее. Ее соло в 1-м акте — поистине шедевр. Прекрасно сделана сцена прихода аристократов, здесь слыли многие всплески: жартыбы у охотников, трюмы, пинки — короче, асть артом элони. Мне все это порой напоминало картину Рамбранда. Порадовало крестьянские па-де-де. Ирина Чистякова танцевала блестяще, великолепно исполнила

первое соло Виталий Цветков — мягкое приземление и точные позиции после двойных туров в воздухе — такой не часто видишь. Фантелетом предстал перед нами Ганс в исполнении Д. Корделла — нам чуждоваская судьба и нет нерочной злости. Приятно смотрелась Наваста Криски Абдулларов, Владимир Колоско был настоящим артистом, у которого можно сказать: «Свои руки — владыки». 21-летняя Юлия Махалина доставила радость, к ней еще придет с возрастом глубина исполнения и нюансы фразировки, но и сейчас уже можно говорить о законченном портрете, и эта Пелителла даже вызывает сочувствие — ведь и ее судьба в чем-то, вероятно, напоминала удел Жизели.

Нью-Йорк Таймс АННА КИСЦЕЛЬГОФ «Слова «Жизели» достойно оправдал Кировский балет». 10 июля 1989 г.

Самое удивительное в нынешнем сезоне Кировского театра в Метрополитан Опера — это обилие новых талантов, которые труппа привезла в Нью-Йорк. Чтобы показать, что момент труппы, кирцовы выбрали для начала молодую танцовщицу Е. Панкову, которая и открыла «Спящую красавицу». Танцовщица 25 лет. Риск поставить молодого танцовщица в столь ответственный момент оправдывается радостью того, что мы видим молодого исполнителя большой потенции в начале пути. «Одно это не тот спектакль, по которому нужно судить Кировский театр. Отдавая должное прекрасному кордебалету, наземные трюки, мы все же должны подождать момента, когда спектакль исполнят подлинние мастера.

Нет «Спящей», если нет Ароры, чтобы донести до публики этот величайший из спектаклей Чайковского — Пелтиа. Конечно, как и «Корсар», спектакль только бы выиграл, если бы составы были укреплены подлинными звездами. Панкова, с ее свежей, уточненной прелестью выглядит, безусловно, Аророй; но слабая работа на пелтиах и отсутствие заметного влияния на зал, не делают ее той Аророй, которая ожидалась...

Сам спектакль продолжает линию ряда советских постановок, которые отличаются от призывных нам версий на Западе. К примеру, нет привычного равновесия в Розовом адуанго, нет «рыбок» в адуанго последнего акта, короче, привычного мужского соло в Голубой Птице.

...В нестойкой постановке мимические сцены перемажутся с танцевальными, одно объясняет другое. Не существует мимического рассказа у Фей Сирири, который объясняет, что Арора не удержит, а лишь усилит и затем снова — пробудится к жизни. Ю. Махалина, обладающая протязительными, прекрасными глазами, исполняет вместо этого своего рода лирический монолог. Для целей пелтиа, видимо, убрана панорама, нет детей в вальсе 1-го акта, сокращена сцена охоты. Спектакль оформлен покойным С. Вирсаладзе. Нам кажется, что несколько иррациональнее его декорации в Прологе, обилие изобразительного ряда несколько сумает сцену в 1-м акте. Прекрасен осенний лес, а также зал 3-го акта с его версальской атмосферой. Интересна световая партитура: может показаться, что она несколько танюванна, но все здесь, по-видимому, связано с

идеями Ароры, как исполнительницы света. Даже в сцене зращения дитя, ее колыхала высвечена отделено, таким образом возникает дополнительный эффект на обзоре геронии. Танец в этот вечер был в целом неровным. Панкова, например, на закончила ни одной пары или движения, у нее нет ширины в Розовом адуанго. Она танюванна темпа аллегро, поэтому более всего ей удалась сцена и соло в 3-м акте, где очарование ее рук и тора были показаны наиболее привлекательно. Мельничков был страстным кавалером, когда преследовал Арору в сцене вадюанго. Он чисто и точно ставшал свою партнершу в па-де-де последнего акта. Хорошо ставшали Принцессу Флорину и Голубую Птицу Т. Терехова, грациозная и легкая, и Виталий Цветков, блестящий танцовщик порезвизи летящими брызгами. Вариация Сирири, в исполнении Ю. Махалиной, отличалась прекрасной фразировкой. Хорошо сыгран Коробос в Гуляевым, аскетичная и жесткая. Жанну Алопову я бы хотела выделить среди фей. Виктор Федотов показал нам образец того, как надо дирижировать, «Спящей красавицей».

Нью-Йорк Таймс АННА КИСЦЕЛЬГОФ «Юность «Спящей красавицы» Кировского театра» 12 июля 1989 г.

Кировский показал две работы Дж. Балачиниа впервые в США и блестяще! сделал экзамен, который, как подразумевалось, устроила труппа американская публика. Во время приближения в Нью-Йорк, кирцовы закончились на сцене безобразности ноте, Линкольн Кирстейн дал прямое солитам и художественному руководителю труппы Олегу Виноградову. В своей речи Кирстейн снисходительно сказал, что советские танцовщицы не очень-то должны прислушиваться к мнению американских критиков, которые могут сказать, что русские танцуют Балачиниа не так, как Нью-Йорк Сити балет, труппа, которая он сам основал вместе с Дж. Балачиниа в 1948 году, что мы все увидели на сцене! Все сомнения, русские танцуют «Шопениана» лучше, чем Нью-Йорк Сити балет. Таким образом впечатление, когда мы увидели эту работу в исполнении К. Мезаншовой, Е. Неффа и И. Чистяковой. Вторая работа — шедевр Балачиниа «Танс с вариациями», поставленная в 1947 году на музыку Чайковского. Его глаза составл исполнительница здесь была А. Арсимурадова и К. Заклинский. Они придали царственный размах и ослепительную элегантно асму спектаклю. Технические трудности и хитроулетельная болша по плечу американкам, которые чсто танцуют Балачиниа, но русские установили тут свой собственный рекорд. Видеть это спектакль в новых декорациях, воспроизводящих интерьеры Мариинского театра, означает видеть спектакль заново, новыми глазами. В мгновение понимаешь, что тут-то и воплощена традиция, которой Балачиниа отдал дань в своем сочинении. Балет исполняют многие труппы. «Танс с вариациями» не является чисто американской работой — это в чистом виде дистиллированная традиция театра Пелтиа — Чайковского, которые и составили наследие Мариинского театра, ныне Кировского. Русские танцуют «Танс» блестяще, добавляя размах и дыхание к уже знакомой работе. Американский стиль,

по замыслу Балачиниа, должен был нести блеск на старый мир, в какой-то степени очистить его. Мы боимся, как бы у русских не появилась манерность и манерничанье в этом балете, но ничего подобного не случилось: Кировский добился сюда нечто такое — он рифинирует балет, но не предает его сути, он транзитует музыку с превкусом русской эмоциональной манеры и театральности — он, в итоге, создает нечто грандиозное и доносит его до зрителя. А. Арсимурадова и К. Заклинский — аристократичны от начала до конца. В их паде-де сквозит элегантно линий, заканчиваются все неожиданным всплеском темперамента. Арсимурадова оказалась мне ниболее удачной в первом соло — широкий, свободный стиль с большим размахом! Заклинский был благодарен во всем — в прыжках, кибролях, классическом стиле его двух соло. Но был у него и малые трудности в моменты вращения.

Вечерний спектакль прошел менее успешно, хотя более сильная техника Ф. Руминтова была направлена по пути динамического танца. Кордебалет уже устал, а Лариса Лаганина не дотянула до уровня балерины техниски, у нее возникли тенденция танцевать без широты. У молодой балерины прамьера в Нью-Йорке, но она была отложена из-за недопомогания.

Обоими спектаклями дирижировал Джамал Даглат. «Шопениана» симфонична, как и «Танс», выглядела лучше днем, с более широким составом. Вечером Ю. Старков выглядел несколько расклеванным, а чудесная легкость и быстрота Е. Панковой не могли компенсировать недостаточную технику и нейтральность чувств. Утром Т. Мезаншова и Е. Неффа точно уловили замысел Балачиниа. У «Симфонии» были эмоциональные нюансы, протяженности темы и змьсама. «Симфония», названная шопенианскими воспоминаниями, создана Балачиниа как контрастная тема Романтизма. Он понимал, что симфония далекой эпохи не завласт и сегодня. Она здала своего рода соблазнительный, обрала иные черты, что передала Мезаншова, которая танцевала уверенно и ровно. Ее партнером был Е. Неффа — поэтничный и хороший по форме танцовщик. Ирина Чистякова в трудном соло здала тон спектаклю. Она бунуально пылала сквозь череду трудных прыжков, кибролей. Последовали аллоксиметрию. Добавьте к этому поразительную, как у пуха, легкость кордебалета женщин, воинственную повелу мужчин и у вас получится прекрасный спектакль. Нет указания, кто написал эскиз к «Симфонии» и «Танс»: может быть, он создал сам Виноградов, отличный рисовальщик! Ясно, что подобный уровень исполнительства не имеет себе равных даже при помощи американских специалистов по Балачиниа — Сьюзан Феррелл и Франки Рассал — они проделали отличную работу!

Нью-Йорк Таймс «Кировский придает размах работам Балачиниа». 24 июля 1989 г. АННА КИСЦЕЛЬГОФ

Легендарный Кировский балет снова у нас в гостях. Прошло три года с тех пор, как мы встречались с ним в помещении театра «Вулф Фэрлз». Что сказать об этой труппе, чтобы определить ее величие? Наследница Пелтиа и Чайковского, хранительница всей тайны русского балета со времен царского режима, она огромна, велич-

копелна, элегантна, аристократична — одна из элитарных театральных организаций мира». Несмотря на все великолепие постановки, не все размах, «Спящая» показалась сплывшей...

Исполнение партии Ароры А. Арсимурадовой воплотило в себе все радости и просчеты спектакля в целом. Поразительно красивая, 28-летняя балерина, показавшаяся в 86-м светящаяся надеждой Кировского, удивительная, глубоко одаренная танцовщица, чьи прекрасные линии и мягкая фразировка не раз заставляли нас задержать дыхание от восторга. Но лишь в отдельные моменты она казалась погруженной в образ или эмоциональное состояние своей героини. В остальном она виделась мне осторожной, что-то рассудительной, с чувством, не ведущим от сердца. Да-то в ней была прелесть Ароры, да вот это все есть: физическая данность, стиль, техника, но актриса словно закрывала образ в глубине своего существа и еще не готова и попросту не хочет нам его полностью открыть. Пролог начинает действие очень эффектно, первые 20 минут труппе даваться, как все тут видно, кание руки и спины у танцовщиц, какая роскошь движений! мягкость плес, стиль, который, вне сомнений, — результат отличной и общей школы. Все это видно в работе и кордебалета, и солистов. Если бы в «Спящей» не было ничего, то она жила бы своей музыкой — ее можно слушать бесконечно. В тот вечер спектакль позволил нам дирижировать Ф. Федотовым, так звали «Спящую» в Ленинградском оркестром Филармонии давно исчезла из магазина. Дирижер мастерски добился от местных музыкантов мягкости, и колористического звучания — редки танцовщицы — слишком медленные темпы. Это касается соло Арсимурадовой в 1 и 2-м актах. Яркое впечатление оставили феи — Жанна Алопова, Ирина Чистякова, Эльвира Крылова, Елена Панкова, Ирина Ситникова. Они продемонстрировали редкий стиль, скульптурную отчетность, техническое мастерство. Одна из наиболее опытных танцовщиц труппы Любовь Мунакова была чертоватой феей Сирири. Пролог, с его пышностью и великолепием, создал драматический фонек всего спектакля, оформленного С. Вирсаладзе. У Арсимурадовой были счастливые моменты в сцене видения, где ее партнером стал К. Заклинский, актер лирический, тупый. Он-то и помог Арсимурадовой прозвучать в этой сцене подлинный лиризм и искренность. Жаль, что нет панорамы, финал акта несколько скромным.

Последний акт начинается так, словно балет уже закончился, а что следует дальше, — просто цель танца, мале связанных между собой. Нет здесь ощущения, что мечта сбывается, что это — триумф! В этом акте есть все же мужчины — танцы феи во главе с И. Чистяковой, Принцесса Флорина Е. Панковой, пластичный Виталий Цветков — Голубая Птица. И, конечно, последние — взлет кодных струй фонтана, словно аккомпанирующие последние тактам музыки.

«Вашингтон Пост», «Кировский «Спящая», АЛАН КРИСМАЙН, 26 июля 1989 г.

Омочанье на 4-й стр.